

ет и их отношение к объекту и пределу. Действительно, в том случае (а именно в активной диатезе), когда объективный процесс развивается вне субъекта, выходит за пределы субъекта, он может достигать вне субъекта лежащего объекта, который и оказывается внешним пределом процесса. Ср. 'мерзнуть, замерзнуть' против 'догнать кого-л.', 'взять что-л.'. Таким образом, признак предела входит и в определение диатезы. Предполагая, что в определенную эпоху в балто-славянской глагольной системе признаки вида выступали в некотором постоянном совмещении с признаками диатезы, мы должны в силу сказанного выше искать этого совмещения там, где пересекались признаки «предела» и «субъекта», входящие в определение этих категорий.

3. Анализ признака «субъект»

Признак субъекта по-разному представлен в определениях вида и диатезы. В первом случае, а именно, когда говорят о субъективном выборе вида из двух возможных видов, предоставленных в распоряжение говорящего системой языка, речь идет о субъекте речи, о самом говорящем. Во втором случае, когда говорят о диатезе как отношении действия к его субъекту, речь идет о субъекте глагольного действия. Таким образом, если мы желаем найти глагольные формы, которые характеризуются одновременно обоими признаками, или, точнее, в которых оба признака предстают как одно и то же, то это, очевидно, такие формы, где субъект действия и субъект речи совпадают. Это формы 1-го лица, произносимые от лица 'Я', 'мы'.

Естественно предположить, что этим признаком обрисовывается семантическая группа таких глаголов, которые обозначают 'действия человека'. Как мы увидим ниже, это предположение справедливо, но, в свете современного семантического анализа, его недостаточно. А. Вежицка установила, что понятие 'человек как субъект, лицо' как первичная семантическая сущность, к которой могут относиться как физические, так и психические предикаты, не является реальностью или, точнее, соответствует лишь поверхностной языковой структуре. В действительности высказывания об объектах, называемых словами *Адам, этот человек* и т. п., разделяются на две группы. В одних собственное имя, например, *Адам*, с точки зрения глубинной семантической структуры соответствует понятию 'тело Адама': *Адам умылся* = 'Адам умыл свое тело'; *Адам увидел себя в зеркале* = 'Адам увидел отражение своего тела в зеркале'; *Адам улегся на кровать* = 'Адам сделал так, что его тело начало лежать на кровати'. В других собственное имя не может быть представлено таким образом, и это свидетельствует о том, что оно называет особую сущность — человека: *Адам любит Еву; Адам — энтузиаст; Адам верит в эту историю*. А. Вежицка также показала, что семантическое содержание во второй группе высказываний не симметрично первой и не может быть описано как 'дух (или мысль) Адама'⁸.

Как показала В. В. Бородич, «на славянской почве категория определенности выражалась первоначально в противопоставлении глаголов, означающих переход к состоянию и глаголов состояния. (В. В. Бородич, как показывают ее материалы, имеет при этом в виду главным образом 'состояния человеческого духа'. — Ю. С.). Позднее, с развитием приставок, это противопоставление распространяется и на другие группы глаголов, причем определенным членом становится глагол с приставкой, означающий переход к состоянию, а неопределенным — простой глагол состояния»⁹.

Иное положение мы находим в древнейшем литовском слое диатезных

⁸ Wierzbicka А. Указ. соч., с. 62—65.

⁹ Бородич В. В. Видовые отношения старославянского глагола. АДД, М., 1953, с. 11.